
УДК 316.323.8

DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.03

КАЗАКОВА А.Ю.* КОЛОНИАЛИЗМ И ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ: ОБЗОР РАБОТ ПО СОВРЕМЕННОЙ КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ (А. МАНЬЕЛЛИ, С. НАГ, К. ЛАНГЕР И У. МАТИЧ)

Аннотация. Данная работа представляет обзор подборки научной литературы на тему колониализма, изданной в 2023 г. издательством Springer Nature. Особое внимание уделяется современной теории колониализма.

Ключевые слова: глобальные социальные изменения; критическая теория колониальности; деколонизация; постколониализм; международные отношения.

Для цитирования: Казакова А.Ю. Колониализм и деколонизация: обзор работ по современной критической теории (А. Маньелли, С. Наг, К. Лангер и У. Матич) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. – 2024. – № 2. – С. 43–56. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.03

Статья поступила: 24.03.2024.

Принята к публикации: 24.04.2024.

KAZAKOVA A.Yu.** Colonialism and decolonization: a literature review of modern critical theory (A. Magnelli, S. Nag, C. Langer and U. Matic)

* Казакова Анна Юрьевна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; kazakova.a.u@yandex.ru

** Kazakova Anna Yur'evna – Doctor of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; kazakova.a.u@yandex.ru

Abstract. This paper presents a review of a selection of related scholarly literature on the topic of colonialism published in 2023 by Springer Nature. Particular attention is paid to contemporary theories of colonialism.

Keywords: global social change; critical theory of colonialism; decolonization; post-colonialism; international relations.

For citation: Kazakova A.Yu. Colonialism and decolonization: a literature review of modern critical theory (A. Magnelli, S. Nag, C. Langer and U. Matić). Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 2. – P. 43–56. DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.03

Received: 24.03.2024.

Accepted: 24.04.2024.

Данная работа представляет обзор подборки новейших материалов на тему колониализма, выпущенных в 2023 г. издательством Springer Nature. Это глава из коллективной монографии «Декolonизация глобальных социальных изменений: материалы критической теории колониализма», написанная Андре Маньелли (Рио-де-Жанейро, Бразилия), учредителем и директором Мастерской гуманитарных наук (бесплатный сетевой исследовательский университет, созданный в качестве альтернативы системе официального образования и в дополнение к ней) [Magnelli, 2023]. Еще одну главу нашего обзора – «Без песен и танцев: возрождение традиций и лучайское сопротивление культурному колониализму: 1904–1911» – представляет Саджал Наг (сотрудник исторического факультета Ассамского университета в Индии) в коллективной монографии «Люди, культуры и общества: изучение и документирование многообразия» [Nag, 2023]. В русле современной критической теории написана и статья «Постколониальная теория в египтологии: ключевые концепции и программы» Кристиана Лангера, докторанта Школы искусств Пекинского университета, Китая, и Уроша Матича, преподавателя Университета Грац, Австрия, члена Австрийской академии наук, опубликованная в журнале «Археология: журнал мирового археологического конгресса» (Archaeologies: journal of the world archaeological congress) [Langer,

Matić, 2023]. В фокусе внимания авторов – социальные изменения, частью которых является борьба колониализма и деколонизации, неразрывно связанная с историей модернизационных процессов.

А. Маньелли – социолог, профессор, издатель – ведет свои исследования на стыке технических наук и наук об обществе (исторической социологии политики, антропологии, политической философии). Опираясь на критическую теорию колониальности, автор утверждает, что современные социальные изменения традиционно были связаны с опытом колониализма, и что эта связь меняется в результате глобализации. История угнетения индийской нации и сопровождающих ее восстаний, субнационального сепаратизма, движения против рабства, сопротивления христианскому миссионерству как средству культурной колонизации – постоянные темы работ профессора современной и новейшей истории Центрального университета Ассама (г. Силчар, Индия) Саджала Нага. Помимо академических занятий профессор ведет активную общественно-политическую деятельность, направленную на искоренение колониального наследия и смягчение последствий глобального экономического и социально-экологического неравенства: является членом правительственного Индийского комитета по пересмотру учебных программ в области современной национальной политики, секретарем Международной организации историков окружающей среды Южной Азии, консультантом Oxfam¹ по делам Северо-Восточной Индии. Антиколониальный пафос С. Нага подкрепляется географической областью его исследований. Это прославленная «искусством быть неподвластным» Зомиа [Скотт, 2012; Скотт, 2017], населенная малыми аборигенными народностями, которые веками сопротивлялись государственному устройству. В их числе – лушай (народ мизо), о которых говорится в главе. Научные интересы Кристиана Лангера сосредоточены на политической и социальной истории, идеологии, внешней и внутренней политике, политической экономии труда, принудительной миграции в Египте времен фараонов, а также колониальном наследии египтологии и египтологии Глобального Юга. Его соавтор, Урош Матич, ведет курс доисторической и классической теории

¹ Oxfam (Oxford Committee for Famine Relief) – международное неправительственное объединение, созданное в Оксфорде для помощи голодающим.

египтологии и археологии на кафедре античной истории и классических гуманитарных наук Университета Грац, анализируя вопросы военного насилия в политической истории Древнего Египта, различные стороны процессов захвата, порабощения, доминирования как в политическом, так и в гендерно-сексуальном аспектах, а также их ремифологизации в современной массовой культуре. Соавторы изучают колониализм в самой долгой исторической перспективе: от древности до нашего времени, уделяя особое внимание развитию и пережиткам «научного расизма» [Matić, 2018] в историографии и археологии Египта.

Как показывает С. Наг, владычество британцев в Индии никогда не ограничивалось только военно-политическим и экономическим принуждением. Лучшим способом для покорения сопротивляющихся племен, особенно горных, считалось внедрение христианства, которое должно было полностью изменить моральный облик и привычки неорганизованных и некультурных дикарей, исповедующих анимизм, и заставить их перейти к мирному сосуществованию с белыми. Именно на территорию горных племен Восточно-Индийская компания стала целенаправленно направлять христианских миссионеров, которым еще до того, как они могли составить себе представление об этих племенах, был внушен созданный колониальными администраторами и антропологами дискурс о варварских, примитивных, нуждающихся в гуманизации и цивилизации посредством западного вмешательства язычниках. Племена не вписывались в западную этику: они не стыдились наготы, использовали примитивные способы добычи пищи, практиковали похищения людей, добычу человеческих черепов для украшения могил своих предков, «жили в условиях вечной вседозволенности, совершали дикие обряды, поэтому все их культурные артефакты, такие как песни и танцы, были сведены к <...> бессмыслице <...>. Это был мощный нарратив, призванный спасти язычника от его слепоты» [Nag, 2023, p. 142]. С. Наг посвящает раскрытию «бремени белого человека» в миссионерских текстах целый раздел, показывая, что основной их пафос определяется не сочувствием, а ужасом и отвращением. Лень, жестокость, суеверия и пьянство, сексуальная распущенность и неустойчивость брака – главные претензии миссионеров к своим подопечным. Культурные традиции – прежде всего песни и танцы – расценива-

лись исключительно как подлежащая уничтожению часть языческих ритуалов.

Для местного населения их потеря в условиях бесписьменного общества была невозможной. Роль песенно-танцевальной культуры была у мизо огромной: «песни <...> постоянно сочиняли и пели. Тематика песен могла включать в себя потерю близких, миграцию, успех на войне, захват рабов, великую охоту <...>. Авторы таких песен, богатые или бедные, имели особый социальный статус. <...> Песни передавались из поколения в поколение. <...> Когда юноша влюблялся, он пел девушке песню, в которой выражал свои чувства, и девушка отвечала ему песней. Когда вожди или старейшины деревни решали вопросы войны и мира, они скорее сочиняли песню, чем подробно объясняли решение сельскому совету. <...> Песни общины сопровождались танцами. В этих песнях отражалась как личная, так и общественная история. Для народа, не имеющего письменности, <...> песни были устным способом записи прошлого. <...> В большинстве деревень был бард, в обязанности которого входило сочинять песни о событиях в деревне и ее жителях, отражающие историю деревни. Это была узаконенная практика. К сожалению, с приходом колониализма этот институт утратил свое значение и постепенно угас. Но песни, сохранившиеся в памяти людей, помогают нам записать, реконструировать и подтвердить историю мизо с конца 1940-х годов. Например, во время ухода британцев лушаи оказались перед дилеммой, объединяться ли им с Индией или Бирмой или сохранять независимость. Их дилемма и решение были сформулированы и поддержаны с помощью пения и танцев» [Nag, 2023, p. 142].

И поскольку вожди, старшее поколение и сельская община в целом негативно воспринимали новообращенных и подвергали их преследованиям, результатом миссионерской борьбы с песнями и плясками как важной частью племенных праздников стало их осознанное использование племенами в качестве средств символического сопротивления, когда местные жители организовывали сложные танцевально-песенные представления. Борьба колонизаторов и колонизируемых приобрела формы, подобные современным музыкальным «баттлам», поскольку, во-первых, миссионеры также использовали в качестве проповедей распевание христианских гимнов, а во-вторых, у лушаев существовал обычай вызова

прохожих на поединок. «Обычно христианское послание передавалось с помощью гимнов и пения, поэтому противники перешли в контратаку, используя песни с добавлением танцев. <...> Миссионеры приложили все усилия, чтобы заменить местные обычаи и практики западным образом жизни» [Nag, 2023, p. 149], но христианизация шла медленно и, по сути, провалилась, чему, по мнению С. Нага, в немалой степени способствовала миссионерская практика культурицида.

«Постколониальный поворот», начавшийся в 1960-х годах, не ограничен вопросами политики и государственного управления, а также культурной инвазии. В 1978 г. Эдвард Саид, следуя трудам М. Фуко о дискурсе, власти и знании, показал, что мир, в котором мы живем, асимметричен, и асимметрия властных отношений тесно связана со знаниями. Введенный им в одноименной работе термин «ориентализм» означает «преувеличение различий, наблюдаемое западными людьми, их презумпцию превосходства и применение шаблонных аналитических моделей к Востоку, понимаемому как Азия, Северная Африка и Ближний Восток» [Langer, Matić, 2023, p. 8]. Люди Востока представлены как примитивные, иррациональные, фанатичные, склонные к насилию и деспотизму. Колониальное мышление полностью пронизывает науку, как показывают на примере египтологии и нубиологии К. Лангер и У. Матич в двух аспектах: 1) с точки зрения тесных связей академической историографии Древнего Египта с историческим колониализмом современных европейских держав, научного расизма; 2) с точки зрения структуры древнеегипетского общества в его взаимодействии с чужими землями [Langer, Matić, 2023, p. 3]. Западное академическое мышление было создано для того, чтобы поддерживать западные академические интересы, что соавторы обосновывают тремя основными аргументами.

В Египте официальная деколонизация началась в 1950-х годах, а в академической сфере постколониализм первоначально вылился в острую проблему сохранности и государственной принадлежности материального культурного наследия Древнего Египта с дискуссиями вокруг передачи в египетские руки древних сокровищ. Второй аспект, сохраняющий актуальность, – территориальная неравномерность глобального распределения археологических проектов в Египте и Судане: как и в колониальную эпоху, весьма

высока доля негосударственных организаций и частных инициатив, причем сохраняется доминирование французских, американских, британских проектов и глобального Севера в целом, включая Россию. У неравного доступа к полевым работам мирового академического сообщества есть причины социолингвистического и политического порядка. Так, Египет и Судан могут контролировать физический доступ к местам раскопок, но «глобальная издательская власть и контроль над производством египтологических и нубиологических знаний остаются за институтами и исследователями глобального Севера, особенно в англосфере, из-за преобладания английского языка в качестве академического лингва франка (*lingua franca*) и <...> неуклонного упадка языков, которые ранее считались равными английскому в египтологии, – французского, немецкого или итальянского» [Langer, Matić, 2023, p. 6]. Идею роли языка в формировании подчиненности авторы подкрепляют ссылкой на франкоязычного вест-индского революционера и философа Франца Фанона: колониальные культурные ценности усваиваются колонизируемыми субъектами посредством принудительного использования языка колонизатора. Мощное влияние геополитического фактора сохраняется и перетекает в проблему влияния на древнеегипетскую историографию и археологию внутренней политики, а именно того, «как заинтересованные стороны в Египте используют далекое прошлое и наследие Египта для легитимизации и / или продвижения современной политики, <...> чтобы оказать влияние на будущее» [Langer, Matić, 2023, p. 7]. Экспоненциальный рост знаний и усиление информационного неравенства означает, что эпоха колониализма не закончилась, но распространилась на весь мир.

А. Маньелли рассматривает глобализацию как «кульминацию колониальной матрицы власти, рожденной современностью» [Magnelli, 2023, p. 2], которая одновременно ослабляет колониальность «посредством децентрализации, плюрализации и переплетения интеллектуального производства и коллективного опыта» [ibid.]. В первом разделе своей работы, «Социальные изменения как модернизация и колонизация», А. Маньелли указывает на то, что центральным в концепции социальных изменений, сформировавшейся в социологии в середине XX в., является понятие модернизации. Модернизация европейских обществ воображалась как

идеал, структурирующий самоопределение человеческих обществ по всему миру. Развитие стало функцией осознанных человеческих действий: изменяющейся темпоральности, ориентированной на будущее, управляемого и расширяемого (материально и интеллектуально) пространства. И воображаемая, и практическая модернизация маркировалась рядом характерных для европейского общества событий и институтов: капитализм, национальное государство, секуляризация, индустриализация, урбанизация, демократия и индивидуализация. Наиболее яркими концепциями социальных изменений в современности были концепции революции и прогресса. Концепция темпоральности под знаком революции, которая полностью преобразует все общество, сочетает две идеи: «исторического разрыва» и «мгновенного настоящего» [Magnelli, 2023, p. 3]. В свою очередь, идея прогресса, берущая начало в европейском Просвещении, понимается как единство во времени. Это единство обеспечивается постепенным изменением истории, посредством которого общества дистанцируются от прошлых верований, ценностей, обычаев и традиций. Либеральная мысль XIX в. обосновывала этот идеал неразрывной связью рынка, личности и науки и привязывала его – под влиянием дарвинизма – к эволюции. Таким образом, три концепции темпоральности – прогресс, революция и эволюция – неминуемо отсылали к западному опыту и, исходя из него, структурировали многообразие человеческих обществ с помощью изначально «колониальных» дихотомий «варварский / цивилизованный», «примитивный / развитый» и «традиционный / современный».

Кроме того, современность (модерн) в конце XX в. стала осмысливаться как неразрывно связанная с опытом войны, насилия, захвата. Европейская история включает две фазы активной экспансии: захват земель Нового Света на рубеже XV–XVI вв. (Португалия, Испания, Англия, Франция, Голландия) и провозглашенная Англией и Францией «цивилизаторская миссия» империализма на стыке XVIII–XIX вв. В итоге, полагает А. Маньелли, конструирование знания в социальных науках испорчено принципиальным непониманием других народов и гомогенизацией, неразличением внутренней логики временной перспективы чужой истории. Опыт мировых войн и тоталитаризма XX в. привел рефлексии над процессами господства, эксплуатации, отчуждения и овеществления к

тотальной критике идеала прогресса. Начиная с Франкфуртской школы, в европейской мысли закрепилась критика современности как извращенной рациональности.

Вместе с тем ее развитие тормозилось политической выгодой. Понятие модернизации не только легитимировало европейскую политику социального, экономического, культурного и политического вмешательства начиная с XIX в., но и руководило американскими политиками в контексте конфликта с Советским блоком, а также определяла правительственные программы на территориях национальных государств, геополитически разделенных между «Первым, Вторым и Третьим миром». Но параллельно с ростом глобализации с 1980-х годов, в силу увеличения присносимых ею же рисков и кризисов, нарастает и противоположная тенденция «деколонизации глобальных социальных изменений»: «Сами цели государства всеобщего благосостояния были поставлены под сомнение <...> глобальные экономические потоки, детерриториализация капитализма и глобализация общества потребления усиливают незащищенность, непредвиденные обстоятельства и непредсказуемость. Суммой всех этих факторов является кризис модернистских теорий социальных изменений <...> из-за того, что процессы не оказались положительно кумулятивными, повышая осведомленность о порочных последствиях коллективных действий и конечности материальных и культурных ресурсов. Осознание социальных, духовных и экологических ограничений роста является частью потребности в новых отношениях с темпоральностью и пространственностью» [Magnelli, 2023, p. 6].

Следующий раздел – «К вопросу о критической теории колониальности» – автор выстраивает в диалоге с родоначальником данной теории Пауло Энрике Мартинсом. А. Маньелли подчеркивает, что содержание современной критической теории колониальности шире ее первоначального прочтения в контексте геополитического, социального, культурного притеснения народов, находившихся под властью метрополий. Современные усилия теории «ориентированы на диалогическую реконструкцию антиколониальных и / или деколонизирующих теорий, практик и перспектив, которые привержены программе освобождения отдельных лиц, ассоциаций, институтов и коллективов» [Magnelli, 2023, p. 7]. Она вбирает все теории, основанные на критике любых процессов

господства, отчуждения, идеологии и овеществления, присущих современному миру. Ее теоретико-методологическую базу А. Маньелли видит в объединении критической теории Франкфуртской школы в ее четырех поколениях (от Адорно, Хоркхаймера, Бенд-жамина и Маркузе через Хабермаса к Акселю Хоннету, Хартмуту Розе, Рахели Джегги, Эми Аллен и Райнеру Форсту) с французским структурализмом и присущим ему особым вниманием к символическому и политическому (Марсель Мосс, Клод Лефорт, Корнелиус Касториadis, Пьер Розанваллон, Марсель Гоше). Автор определяет пунктиры антиколониальной проблематики: деконструкция и реконструкция колониальности в существующих социальных институтах; исторические модели колониальной зависимости; новые формы колониализма, основными субъектами которого на современном этапе, по мнению автора, являются Великобритания, США, Китай и Россия; разработка трансдисциплинарной методологии; расширение географических границ проявлений колониализма от европейских до общемировых. Здесь автор обращает внимание на несводимость колониализма исключительно к европейской экспансии: необходимо рассматривать все его проявления на базе иных политических режимов, в том числе Российской империи и Османской империи, формирования границ современной Восточной Европы и притязаний отдельных стран бывшего Советского блока.

Далее внимание автора сосредоточивается на фронтальной, игнорируемой в мировой социологии, области Латинской Америки и Карибского бассейна: именно оттуда в настоящее время исходит наиболее конструктивная критика ряда характерных для постколониальной мысли предубеждений, важная для понимания глобальных социальных изменений. Критические замечания и наблюдения авторов из этого региона А. Маньелли сводит в шесть основных пунктов, позволяющих применять критическую теорию колониализма к анализу социальных изменений:

1. Построение открытой, критической, плюралистичной, космополитической мировой социологии, раскрывающей сюжеты глобализации и отрицающей асимметрию центрального и периферийного интеллектуального производства. Для этого необходимо наладить сотрудничество между разными институтами помимо бюрократических форм исследовательских и образовательных

центров; создавать сети сотрудничества между исследовательскими центрами и университетами ради усиления производства теорий, происходящих из периферийных, полупериферийных и пограничных пространств; осуществлять коммуникации и перевод между языками и культурами децентрализованным и полицентричным образом.

2. Необходимость перехода от критики капитализма как лейтмотива колониальной теории к осмыслению экономики как выхода из кризиса, т.е. анализу реальных жизненных практик, касающихся различных «способов построения стратегий производства, распределения, управления и потребления материальных и нематериальных благ» [Magnelli, 2023, p. 17], выделяя среди них тот опыт, который позволил бы преодолеть воспроизводство колониальной логики в глобальном обществе.

3. Признание сильной зависимости эмансипационного дискурса от колониальной парадигмы. Речь идет о том, что понимание темпоральности, субъектности и ценности эмоций само по себе зависит от культуры, а быстрые и резкие социальные изменения, связанные с динамикой капитализма (здесь А. Маньелли ссылается на теорию социального ускорения Хартмута Розы), «оказывают десинхронизирующее воздействие с пагубными последствиями для индивидуальной психики, культурного воспроизводства и демократических институтов» [Magnelli, 2023, p. 17].

4. Анализ и преодоление новых, опосредованных цифровыми и виртуальными технологиями форм колониальности, охватывающих транснациональные пространства. Установление колониальных иерархий реализуется посредством СМИ и цифровых медиа, перестраивающих внутренние доминанты культуры (самоидентификация, способы коммуникации, выражения общественного мнения). В результате цифровой борьбы за присвоение цифровых пространств возникает присвоение и пространств физических, на которых возникают новые элиты и экономическая, культурная и политическая динамика, направляемая информационными гегемонами.

5. Ответ на вопрос о том, является ли демократия всеобщей проблемой и, соответственно, реален ли ее глобальный кризис. Источник самой постановки этого вопроса – антагонизм между марксистской и функционалистской парадигмами в социологии.

Если отказаться от идеи о том, что «демократии» – это искусственная модель, специально созданная Западом для тиражирования в незападном мире с целью его порабощения, то источником ее нормативных основ придется признать универсальные права человека. В этом смысле сам А. Маньелли уже не в первой работе [Magnelli, 2022] заявляет об универсализме демократии, который, однако, преломляется через множество конкретно-исторических форм, достигающих определенности «в социально-историческом взаимодействии между акторами, концепциями, институтами, проблемами и практиками» [Magnelli, 2023, p. 18]. При таком подходе знак равенства между стремлением к демократии и европоцентризмом утрачивается.

6. Обращение к малоисследованной и многообразной области проявлений колониальной психологии – области «повествований, воспоминаний, воображаемых образов и дискурсов» [Magnelli, 2023, p. 19]. Важнейшие темы такого анализа – это забвение, сокрытие и принижение воспоминаний и переживаний; представления о подчинении или элиминации инаковости. Понимание колониальной психологии – это выявление идеологических систем, которые оправдывают колониализм, реконструкция коллективных воспоминаний и нарративов подчиненных народов и конструирование альтернативных, антигегемонистских по отношению к модели глобальной капиталистической власти практик.

Таким образом, приверженность формирующейся в глобальной социологии критике колониализма в исследованиях его старых и новых форм, согласно А. Маньелли, свидетельствует о стремлении сохранить культурное, цивилизационное и экологическое биоразнообразие планеты. Постколониальные теории не просто осмысливают логику и последствия колониального прошлого – они становятся линзой, дающей новый взгляд на теорию современности и происходящих сегодня глобальных социальных изменений.

Список литературы

Скотт Д. Зомия: успешные стратегии бегства от государства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Социология. – 2012. – № 4. – С. 6–19.

Скотт Д. Искусство безгосударственной жизни: устная традиция, письменность и тексты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Социология. – 2017. – Т. 17, № 3. – С. 267–286.

Langer C., Matic U. Postcolonial theory in Egyptology: key concepts and agendas // *Archaeologies*. – 2023. – Vol. 19, N 1. – P. 1–27. – DOI: 10.1007/s11759-023-09470-9

Magnelli A. Decolonizing global social change: contributions from a critical theory of coloniality // *The Palgrave handbook of global social change* / ed. by R. Baikady, S.M. Sajid, V. Nadesan, J. Przeperski, M.R. Islam, J. Gao. – Cham: Springer, 2023. – P. 1–22. – DOI: 10.1007/978-3-030-87624-1_36-1

Magnelli A. Love in democracy: unfolding sovereignty, resonating common good // *Social love and the critical potential of people. When social reality challenges the sociological imagination* / ed. by G. Iorio, S. Cataldi. – London: Routledge, 2022. – URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/edit/10.4324/9781003217039/social-love-critical-potential-people-gennaro-iorio-silvia-cataldi> (accessed: 24.03.2024).

Matic U. De-colonizing the historiography and archaeology of Ancient Egypt and Nubia. Part 1. Scientific Racism // *Journal of Egyptian History*. – 2018. – Vol. 11, N 1/2. – P. 19–44. – DOI: 10.1163/18741665-12340041

Nag S. No song and no dance: invention of tradition and Lushai resistance to cultural colonialism: 1904–1911 // *Cultural forms and practices in Northeast India. People, cultures and societies: exploring and documenting diversities* / ed. by K.C. Baral. – Singapore: Springer, 2023. – P. 141–162. – DOI: 10.1007/978-981-19-9292-6_12

References

Langer C., Matic U. Postcolonial theory in Egyptology: key concepts and agendas. *Archaeologies*. – 2023. – Vol. 19, N 1. – P. 1–27. – DOI: 10.1007/s11759-023-09470-9

Magnelli A. Decolonizing global social change: contributions from a critical theory of coloniality. *The Palgrave handbook of global social change*. Ed. by R. Baikady, S.M. Sajid, V. Nadesan, J. Przeperski, M.R. Islam, J. Gao. – Cham: Springer, 2023. – P. 1–22. – DOI: 10.1007/978-3-030-87624-1_36-1

Magnelli A. Love in democracy: unfolding sovereignty, resonating common good. *Social love and the critical potential of people. When social reality challenges the sociological imagination*. Ed. by G. Iorio, S. Cataldi. – London: Routledge, 2022. – URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/edit/10.4324/9781003217039/social-love-critical-potential-people-gennaro-iorio-silvia-cataldi> (accessed: 24.03.2024).

Matic U. De-colonizing the Historiography and Archaeology of Ancient Egypt and Nubia. Part 1. Scientific racism. *Journal of Egyptian history*. – 2018. – Vol. 11, N 1–2. – P. 19–44. – DOI: 10.1163/18741665-12340041

Nag S. No song and no dance: invention of tradition and Lushai resistance to cultural colonialism: 1904–1911. *Cultural forms and practices in Northeast India. People, cultures and societies: exploring and documenting diversities*. Ed. by K.C. Baral. – Singapore: Springer, 2023. – P. 141–162. – DOI: 10.1007/978-981-19-9292-6_12

ple, cultures and societies: exploring and documenting diversities. Ed. by K.C. Baral. – Singapore: Springer, 2023. – DOI: 10.1007/978-981-19-9292-6_12

Scott J. Iskusstvo bezgosudarstvennoj zhizni: ustnaya tradiciya, pis'mennost' i teksty [The art of not being governed: orality, writing, and texts]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya* [Bulletin of the Peoples' friendship university of Russia. Series: Sociology]. – 2017. – Vol. 17, N 3. – P. 267–288. (In Russian)

Scott J. Zomiya: uspehnye strategii begstva ot gosudarstva [Zomia: successful strategies of flight from the state]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya* [Bulletin of the Peoples' friendship university of Russia. Series: Sociology]. – 2012. – N 4. – P. 6–19. (In Russian)